

Небожители, боги прайм-таймовского эфира, ловцы и властители искушенных и неокрепших душ и умов, постоянные, как «Дальнобойщики», гости наших комнат и кухонь – ведущие информационных и аналитических программ – стали предметом сегодняшней публикации и объектами пристального изучения со стороны сотрудников Института групповой и семейной психологии и психотерапии. Ну а поскольку назвался человеком публичным, «воленс-неволенс» буду

готов к всестороннему (в рамках приличия) обзору и обсуждению, мы посчитали себя вправе запустить собственный «сериал»: представить на суд читателя ряд психологических портретов, выполненных директором и ведущим специалистом названного института **Леонидом КРОЛЕМ**. По вполне понятным причинам право открыть цикл предоставляется телеведущему, имя которого упоминается в эти дни во всех новостях: Евгению Киселеву.

Телеведущие глазами психолога

Уж где куется победа, а где мнения, как раньше говорили, трудящихся, а сейчас избирателей, может, не в последнюю очередь так на телевидении. И чувства телегенералов, их инструментарий, амбиции представляют немалый интерес. Посмотришь, как Евгений Алексеевич в былые времена чеканил новости – ну просто маршал Жуков на коне среди парада. Победы он уже совершил, теперь погарцевать и в историю въехать осталось. Для не слишком задумывающегося и не разберешь, то ли это истинное и правильное донесение событий, то ли тут при нас, несмышленных, отделяется важное от неважного, расставляются верные акценты, вписывается нечто в ближнюю и вечную историю. Присутствуем ли мы при озаглавлении и разнесении по файлам событий или даже при их непосредственном создании. Ведь первичные события – это, может быть, и просто полуфабрикат, новости куются мастером.

А мастер в век делегированных ответственностей и коллективных решений, конечно, может приглашать видных и говорящих людей для подтверждения своих мнений и даже показывать репортажи, заранее подготовленные и содержащие как уложенные факты, так и умелую их интерпретацию, сделанную учеником чародея. Игра ли в объективность или заигрывание в чеканку медали события – это еще не все возможности. Если обратиться к этапам действия комментирования, то политик-политолог-ведущий – это в некотором роде автор, критик и... тут и возникают некоторые поисковые неясности. Директор над ними обойти? Их продюсер? Они, мол, стараются по заданию и в творческом порыве, а уж что пускать и как замешивать, чтобы денежки текли, может быть, и фигурально, – это уж мы решим. Или ведущему милее числить себя режиссером. Продюсер ему общую линию шепнул или в микрофон чиркнул, а он уж монтирует по живому, расставляя акценты и пуская мизансцены.

Как ни фантазируй о всем знакомом, элемент манипу-

ляции, публичной власти, возможности монтажа мнений через монтаж показа несомненны.

Одно из основных правил ток-шоу – дергать микрофон, чтобы все было разрезано на малые порции, не важно про что, но малые, и тем давало бы похожесть на диалог и разнообразие мнений. Бесконечный эпос про одно и то же поднадоел за годы прежние, и стилистика клипа прочно вошла в тележизнь и стала править. Так что резать происходящее на анекдоты, кто что успел, тот то и прокричал, в убеждении, что, если человеку есть что сказать, он это и за две минуты скажет – это в порядке вещей. Терпеть больше двух минут на телевидении никого не хотят. Даже президента разрежут, ссылаясь на законы жанра. На самом же деле по причине внутренней суеты и телеадреналина, с которым не знают, что делать. Высокомерие ведущего – почти профессиональная болезнь. И смотрит с высоты, и видит, и слышит много всякого шушуканья, от чего чувство причастности и информированности вполне возрастает и бережно защищает от необходимости всерьез думать, и это ведь другое – задумываться.

Кроме того, ведущий как конькобежец-фигурист, ему поворачиваться надо под неслышимую другими музыку. Привычное настроение патологоанатома, занятого своей работой – не чистой и не грязной.

Так что быть одновременно патологоанатомом и фигуристом, согласитесь, уже непростая ролевая раскладка. Быть тщательным, не зевать публично, привычно смотреть сверху на все, слушать интонацию, неведомую остальным, резать все на короткие куски, чтоб не прослыть старомодным, – это то, что мы пока уверенно насчитали как общие признаки принадлежности к власти имущим на телевидении.

О некоторых обертонх, авторском, так сказать, почерке у ведущих мы и предлагаем поговорить. Их различия в выполнении вполне непреложных правил, выше обозначенных.

Евгений Киселев

Главный чеканщик новостей. Как когда-то говорили про известного шахматиста: «Поднял престиж шахмат на новую высоту». Имелось в виду и гонорары при победе – увеличил на порядок. Затраты и качество подготовки и антуража соответственно. Так пять лет назад Евгений Киселев стал чемпионом по Новостям.

Дело новое – новости как товар в перестроечную эпоху, как и многое другое, были приватизированы. Это как-то меньше было заметно, не нефть все же. Пришла пора откупщиков, которым нужны были менеджеры, двор, трубадуры и эмиссары. Фигуры из разных эпох, отсюда и неизбежная эклектика при организации «делового стиля» и под его эгидой.

Переосмысление истории, смыслового поля Власти. Вне фигур фигуры расставляются в соответствии с силовыми полями, которые весьма зависят от полей информационных. Так что подорожали откупщики. Новости как отделившийся товар – чемпионы их производства. При этом вздоржали и потребители новостей: за информированность разной степени складывающиеся культуры стали доплачивать.

Это не то что раньше, отсняли материал в коровниках и на заводах – и гони сериал, с оживляем из пары голов, сегодня подставленных. Напоминало то, как на пляже в картонные фигуры крепкой или театрализованных персонажей вставляют головы все желающие. Новости и были сериалом для конформистов, которыми предполагалась вся страна. Есть новости – порядок, провел вечер в поезде без телевизора – некоторая ломка. Одни не смотрели никогда, другие смотрели вполглаза, читаю между строк и гордятся умной приобщенностью. Третьи имели как всякий ритуал, не слишком интересно, но краем глаза, по фону, для необходимой информированности.

Итак, новостная площадка Евгения Киселева. Время действия – 3–4 года назад. Гость, хотя это себе и трудно представить, кажется неудобно, чуть под углом к хозяину, несколько ниже, в кресле, и не сядешь с опорой, и не подальше вперед. Угол тела чуть изогнут. И это вдобавок к обычной телевизионной неестественности, искусственному

особый новостной сериал – «Время» – вполне соответствовал общему Эпосу жизни. Декларации постоянства, рабочая династия в три поколения на заводе, это ладно, но вот уж по десять лет на одном месте всячески приветствовалось – и чего бегать? Ни путевки на новом месте не дадут, ни в том, пока будут привыкать и настроенность снимать наполовину, ничего хорошего. Это в некоторых вещах радиоактивных – период полураспада, а в советском коллективе период полунастороженности. Совсем некогда расслабиться, а, по привычке, нуд наполовину, это можно.

Посмотрим на символическое поле новостной площадки, куда приглашаются важные и власть имеющие люди. Власть в понимании приобщенности к телеплощадке, видимой многим зрителям. Власть критиковать, быть фигурой искусства и тем не менее влиять. Город на башне, которому все равно, что плещется на равнине, прекратил свое столь уж изолированное существование. Ни в каком сие о демократии речи нет. Но власть местных князей в большей мере зависит не только от воли и обращенности сверху и умеренности склоны в горизонтально равных отношениях с другими наместниками.

Навранная всегда оппозиция Власть–Народ, имеющая в виду под народом Чернь (народу-то откуда взяться?). Между этими полюсами начинают маячить общественные организации, частные предприятия с немалой силой, да и отдельные боевые отряды и частные граждане сами по себе, не спешащие считать себя народом.

Итак, новостная площадка Евгения Киселева. Время действия – 3–4 года назад. Гость, хотя это себе и трудно представить, кажется неудобно, чуть под углом к хозяину, несколько ниже, в кресле, и не сядешь с опорой, и не подальше вперед. Угол тела чуть изогнут. И это вдобавок к обычной телевизионной неестественности, искусственному

воздуху, часто жарко от софитов, освещение чрезмерно яркое, в темноте фигуры операторов, пространство не закрыто, сидение в декорациях, грубо изображающих камерность. За привычностью к выступлениям публичного лица это сидение то ли на площади, то ли в чулане театра для хранения декораций, то ли на освещенной сцене с полувыученной ролью.

Итак, сидеть неудобно и в прямом смысле слова, и в совокупности некоторых перечисленных факторов. Добавим к этому, что Евгений Алексеевич только приступает к своей главной функции – изготовителя высококачественных консервов из полуфабрикатов, живыми гостями уже не назывался. Духота, свет софитов, неизбежное ожидание.

Предварительный макияж (создание весьма искусственного и специального телевизионного лица с его невольными клоунскими элементами: контрастами, некоторой «помадностью» и бледностью), отрывистые неизбежно приветствия и настроенные реплики, перепал освещенности при переходе в студию из коридоров, гримерной, гостевой.

Декорации телевидения в целом – унылый пограничник у входа со стайкой неупускаемых и чего-то ждущих. Обшарпанные вечно советские коридоры – длинные и унылые. Новый пограничник – и в духе еврореформа, по-русски обставленная комната собственнотруди, на гримерные лоску не хватило, в коридорах обязательный сквозняк.

На съемочной площадке неизбежная пещера, где отдельными матрешками вложены друг в друга изображаемый антураж интимности с гостем – разговора всерьез и о главном: тени пяти операторов, виртуальный мир светящихся телевизоров-контролей, пространство сопровождающих своих. В этом брюхе кита все переваривается одновременно.

Так что, несмотря на главный тренинг советского и российского



Пять лет назад Киселев стал чемпионом по Новостям...

человека – побольше не замечать и считать, что существует только то, что хочется и что охватывается сознанием, перепад факторов, эпох интрьера, неловкостей и нестыковок весьма велик. Все это работает на неестественность и неуютность. Уж как в целом на языке кулинарии и консервирования обозначить эти подготавливающие к передаче факторы – томление, предварительное переваривание, легкое прожаривание, – можно только фантазировать.

Итак, прошедший эти слои невидимых стилей-таможен гость, приведенный и оставленный своими как ритуальная жертва лучше, что у них есть после сквозняков, напояживания, причисывания, одергиваний пиджака, ненужных заминков и улыбок, приведен и усажен в неудобную позу, с несколько переключенным телом, ярко освещен, сжат в своем дыхании. И вот по краю восприятия в иной как бы стихии плавно задвигались тени операторов. Жизнь в декорациях началась.

Тут бы следовала отмашка-хлопушка: «Внимание! Естественность», с изображением на лице «все в порядке... Ваша очередь» к герою повернулся повар-ведущий. Главный разделочный нож после томления и доваривания, приготовления картинок сопровождающего соуса занесен. Герой опытен и отнюдь не наивен, ему есть что сказать, и он полагает, что именно это и могло бы быть кому-то интересным.

Но неужели вы думаете, что Господин Ведущий, с его ножом, надеждой на непрерывно дорожающие акции собственности роли, распоряжающийся частью машины по

подготовке к эфиру и уж умеющий усадить в нужную для него позу, будет спрашивать то, чего ожидает от него кто бы то ни было. Неужели кто-то думает, что служить безымянным и утопленным далеко внизу зрителям или этому герою овощу-полуфабрикату кому-то нужно и выгодно.

Если слугами народа раньше называли правителей, что ж, теперь можно с той же интонацией назвать так телеведущих. В рассмотрении механизмов телевидения конкурс служащих на предмет невинности мы пока отложим.

Вопросы ведущего будут, скорее всего, то неожиданно банальны, то провокативно и незаметно, как хороший мяч, закрученны. Какие-то незаметные шпильки могут быть вставлены вплотную к эфиру за кадром. Ведущий – вежливый хозяин, поэтому на поле его безусловной власти регби не ожидается, там элементы корриды, тенниса, шахмат. Перебивы, вопросы не про то, услышание внимания.

Провоцирование длиннот, с естественным прерыванием, композиция во времени сильных и слабых моментов героя, вставка косвенно комментирующих фрагментов. Наконец, непреложность собственной артикуляции. Евгений Алексеевич – чеканщик новостей. Ощущение себя как бюста с местом вкопанности отдельного пассажира, с огородкой вокруг, почти эпитафией-приговором.

Господ психоаналитиков мы просим отнестись. Мы всего лишь описываем процесс, постоянно наблюдаемый по телевизору. Все это Евгений Алексеевич делает в очень хороших костюмах и не менее хороших галстуках.

Я думаю, что чрезмерно серьезный и поневоле претенциозный внешний образ – скорее неудачно подобран и не согласован с вызывающим доверие внешним специалистом по имиджу. Представляется, что у Киселева репутация среди сотрудников скорее хорошего товарища и симпатичного, ненадугото человека, не слишком при этом делового, скорее вынужденного играть эту роль.

Стоило бы похудеть, вернуть гибкость суставам и зоркость заинтересованным глазам, снять налет некоторой брезгливости и чувства «все с Вами ясно». Похудев и приобретя гибкость, потеряв избыточную статичность и торможение, значительность и историчность, можно было бы сильно прибавить ощущения компетентности и подлинной информационной власти.

Пережевывание крепкими челюстями глыб определений, тяжесть и окончательность суждений выглядят не слишком эффективной защитой для внутренне тонкого, достаточно чувствительного и раннего человека. Крепость имитирует скорее основательность и окончательность, чем истинные ощущения достижения.

Некоторая природная задумчивость, вариативность, как ни банально звучит, – творческий поиск, а не готовые и несомненные клише были бы, как кажется, чуть временно дискомфортны, но более эффективны и для самочувствия, и для внешнего эффекта.

Впрочем, сегодняшний Евгений Киселев ощутимо сдвинулся от образа глыбы к образу, связанному с гибкостью и улыбкой.

(Продолжение следует.)